

неній и доукъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей, къ чему мы всѣ такъ склонны;» неговоря, наконецъ, про то, что онъ прямо говоритъ въ другомъ мѣстѣ о связи, какая существуетъ между субъективною и объективною дѣятельностью человѣка, что личная жизнь сама по себѣ несовершенна, что безъ объективной дѣятельности человѣкъ осужденъ на безсиліе и бесплодное созерцаніе», что верхомъ человѣческой мудрости будетъ именно «приведеніе къ единству идеаловъ субъективныхъ и объективныхъ» и осуществленіе его въ дѣйствительной жизни... Не говоря про все это, допустимъ, все таки, на время, что доминирующимъ впечатлѣніемъ отъ труда Кавелина, недостаткомъ его является, дѣйствительно, разграниченіе субъективной и объективной дѣятельности индивидуума.

И за всѣмъ тѣмъ, все таки, трудъ этотъ, въ нашихъ глазахъ, сохраняетъ за собою все свое значеніе. Какимъ образомъ? Очень просто: вспомните *кому* посвящаетъ его авторъ—и онъ сразу получитъ въ глазахъ вашихъ истинную свою цѣну:—значеніе труда преимущественно педагогическаго; система нравственныхъ его понятій—значеніе этической педагоги, а не системы, годной одинаково для всѣхъ—какъ для того, кто только готовится къ дѣятельности объективной (общественной), такъ и для того, кто уже является сознательнымъ въ ней работникомъ. Измѣняя точку зрѣнія для оцѣнки, мы тѣмъ самымъ измѣняемъ и прежнюю квалификацію свою достоинствъ и недостатковъ этого труда; мы просто, говоря словами думской рѣчи гр. Толстого, «по дурачки, по мужицки» произвольно переставляемъ съ премудрой глубины учености этого труда къ его *предисловію*, къ его посвященію, дѣлаемъ ихъ отъ правнымъ пунктомъ и исходя изъ нихъ, изъ духа *ихъ*, а не самого труда, утверждаемъ: система Кавелина не ста-